

УДК 327

DOI: 10.17323/19988613/73/12

Го Лицзюнь, Е.Ф. Троицкий, Цзюй Чуанья

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ (1992–2000)

Рассматриваются основные этапы и тенденции становления политики Китая в постсоветской Центральной Азии в 1990-е гг. в контексте общей эволюции китайской внешней политики. Выделены два периода формирования и реализации центральноазиатской политики КНР, характеризующихся соответственно признанием российского лидерства в Центральной Азии и курсом на создание условий для совместного с Россией лидерства в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Центральная Азия, «Шанхайская пятёрка», пограничное урегулирование, китайско-казахстанские отношения, российско-китайские отношения.

В последние годы выдвинутая китайским руководством инициатива «Один пояс, один путь» стала центральной темой научных и экспертно-аналитических публикаций, посвященных политике КНР в Центральной Азии. Однако малоизученными остаются истоки центральноазиатской политики Китая, а также деятельность китайской дипломатии в регионе в 1990-е гг., заложившая основу для своеобразного «большого сачка» – превращения КНР в 2000–2010-е гг. в одного из ключевых внешнеполитических партнеров для каждой из пяти стран Центральной Азии. Цель настоящей статьи – вывить основные этапы и тенденции становления политики КНР в Центральной Азии в контексте общей эволюции внешней политики Пекина.

В 1990-е гг. китайская внешняя политика стремилась прежде всего к обеспечению стабильной внешней среды, позволяющей сконцентрировать усилия на экономических реформах [1. Р. 49]. Пекин успешно комбинировал во внешней политике две линии: поддержание и постепенное усиление статуса великой державы и подчеркнутый отказ от притязаний на лидерство, будь то в глобальном масштабе или в сопредельных регионах. Центральноазиатский вектор внешней политики рассматривался китайским руководством сквозь призму обеспечения безопасности западных рубежей страны, в рамках концепции «стратегического тыла» [2. Р. 152]: ситуация в Центральной Азии не должна была отвлекать Пекин от решения задач на приоритетном для Китая восточноазиатском направлении.

При установлении дипломатических отношений со странами региона Китай заявлял, что в отношении центральноазиатских государств будет проводиться политика «поддержания дружественных отношений с соседями». В 1992–1993 гг. лидеры всех стран Центральной Азии посетили Китай. В апреле 1994 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн нанес официальные визиты в Казахстан, Киргизию, Туркменистан и Узбекистан. Глава китайского правительства сделал акцент на том, что КНР не стремится к созданию в регионе «сферы экономического или политического влияния» [3. Р. 41].

Первоочередной задачей китайской политики в регионе стало завершение процесса урегулирования пограничных вопросов с сопредельными странами Центральной Азии, начавшегося с конца 1980-х гг. в ходе

советско-китайских переговоров. В первой половине 1992 г. Китай подписал с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном коммюнике, в которых было отмечено признание результатов, достигнутых в рамках советско-китайского диалога, и выражена готовность продолжить решение пограничных проблем [4. Р. 556]. Для переговоров с Китаем Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном была сформирована совместная делегация. В апреле 1994 г. Китай и Казахстан заключили соглашение о делимитации границы. В июле 1996 г. последовало подписание китайско-киргизского соглашения о границе [Ibid. Р. 559, 567].

В ходе переговоров о пограничном урегулировании стороны вышли на согласование режима военной безопасности в приграничной зоне. В апреле 1996 г. в Шанхае председатель КНР и президенты России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы [5]. В апреле 1997 г. в Москве между Китаем, с одной стороны, и Россией и граничащими с КНР странами Центральной Азии, с другой стороны, было заключено соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

Китайским руководством российское военное присутствие и политическое влияние в регионе воспринимались как фундаментальный фактор поддержания стабильности в Центральной Азии. Хотя официальная китайская оценка политики царской России и Советского Союза по отношению к народам Центральной Азии являлась крайне негативной [6. С. 312–317], Китай предпочитал российское лидерство в Центральной Азии усилению регионального влияния США и Турции. Так, Пекин был согласен с тем, что проблематикой межтаджикского конфликта должно заниматься Содружество Независимых Государств, положительно оценивая ключевую роль России в таджикском урегулировании [7. Р. 427].

Торгово-экономическое взаимодействие между Китаем и центральноазиатскими государствами осуществлялось в основном через приграничную торговлю Синьцзяна с Казахстаном и Киргизией. В 1992 г. китайское руководство взяло курс на стремительное наращивание масштабов приграничной торговли. Летом 1992 г. Госсовет КНР утвердил стратегию либера-

лизации торговли Синьцзяна со странами Центральной Азии. Началось быстрое развертывание приграничной транспортной и торговой инфраструктуры.

По ориентировочным оценкам, уже в 1993 г. китайско-казахстанский товарооборот более чем десятикратно превосходил уровень 1990 г. [9. Р. 180–181]. В конце 1993 г. Казахстан ввел более строгие меры контроля над качеством китайского импорта, после чего темпы роста торговли снизились. По данным официальной китайской статистики, за 1992–1996 гг. объем торговли между Китаем и странами региона увеличился на 67%, причем более половины товарооборота приходилось на Казахстан [10. Р. 421].

Первая половина 1990-х гг. стала временем интенсивного развития транспортных коммуникаций, связывающих Китай и страны региона. В сентябре 1990 г. был открыт переход Алашанькоу–Дружба, соединивший советскую и китайскую железные дороги. С 1992 г. между Китаем и Казахстаном было запущено регулярное железнодорожное сообщение. На межгосударственном уровне был выдвинут проект соединения автомагистрали Алматы–Бишкек с Каракорумским шоссе, связывающим Китай и Пакистан. В 1996 г. Китай, Киргизия и Узбекистан подписали соглашение о строительстве автомобильной дороги Андижан–Кашгар [4. Р. 464–477].

Во второй половине 1990-х гг. китайским руководством был запущен процесс постепенного пересмотра политики в Центральной Азии, ставший отражением изменения стратегических установок КНР и эволюции региональной системы международных отношений. Было выдвинуто положение о Китае как об «ответственной великой державе», призванной нести часть ответственности за международную безопасность [1. Р. 49]. Внешнеполитический курс КНР стал отличаться большей инициативностью. Китай начал принимать полноформатное участие в многосторонних структурах обеспечения безопасности в Азии. Успехи китайской экономики прошли проверку на прочность во время азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.

Хотя Центральная Азия по-прежнему воспринималась в Пекине как стратегический тыл, Китай приступил к планомерному наращиванию участия в поддержании региональной стабильности и безопасности. Китайское руководство пришло к выводу, что страны Центральной Азии становятся более уязвимыми для угроз со стороны военизированных исламских группировок, а способность России оказывать им действительную поддержку имеет тенденцию к снижению. Соответственно, Пекин начал замещать политику признания регионального лидерства России курсом на формирование условий для осуществления совместного российско-китайского «кураторства» над Центральной Азией. Дополнительным стимулом к более активной политике КНР в регионе стало расширение влияния США в Центральной Азии. В 1999 г. вследствие агрессии НАТО против Югославии в Китае прошла дискуссия о трендах мирового развития, результатом которой стали отказ от тезиса об относительном упадке державы-гегемона и признание необходимости более активной политики в соседних регионах и сотрудничества с Россией в сферах совпадающих интересов [11. Р. 28].

Инструментами обновленной политики КНР в регионе стали формирование многосторонних структур взаимодействия в сфере безопасности и расширение двустороннего военно-политического взаимодействия со странами региона.

В 1997 г. Китай инициировал трансформацию механизма переговоров по пограничным проблемам в пятисторонний форум координации позиций стран-участниц по широкому кругу вопросов политики, региональной безопасности и экономики, названный «Шанхайской пятеркой». Летом 1998 г. на встрече в Алматы главы государств «Шанхайской пятерки» приняли заявление, в котором были обозначены ключевые аспекты многостороннего сотрудничества. Была выражена готовность к совместной борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью, обозначено намерение развивать торгово-экономическое сотрудничество и проводить модернизацию транспортной и трубопроводной инфраструктуры. «Шанхайская пятерка» осуждала «национальный сепаратизм, этническую нетерпимость и религиозный экстремизм» и заявляла, что стороны не потерпят использования своих территорий для «организации деятельности, наносящей ущерб государственному суверенитету, безопасности и общественному порядку какого-либо из пяти государств» [12]. Были выражены солидарность центральноазиатских стран-участниц с позициями России и Китая по ряду международных проблем и приверженность «Шанхайской пятерки» концепции многополярного мира, ставшей идейно-политическим фундаментом геополитического сближения России и Китая.

Эти положения красной нитью прошли через итоговое заявление следующего саммита «Шанхайской пятерки», прошедшего в Бишкеке в августе 1999 г. Бишкекская встреча совпала с началом вторжения исламистских банд в Баткенскую область Киргизии, что подчеркнуло актуальность формирования под эгидой «пятерки» структуры, занимающейся организацией взаимодействия сторон в борьбе с терроризмом. С декабря 1999 г. началось проведение встреч руководителей правоохранительных органов «Шанхайской пятерки» («Бишкекской группы»). В марте 2000 г. состоялась первая встреча министров обороны пяти стран, в июле 2000 г. – первая встреча министров иностранных дел.

В июле 2000 г. Китай инициировал принятие главами государств «Шанхайской пятерки» решения о ее трансформации в полноценную международную организацию, в которой предусматривалось проведение регулярных совещаний глав правительств, министров обороны, иностранных дел, руководителей правоохранительных, пограничных, таможенных органов, специальных служб, а также создание Совета национальных координаторов и Региональной антитеррористической структуры [13]. Показательным стало присутствие на саммите 2000 г. – пока в качестве наблюдателя – президента Узбекистана.

Во второй половине 1990-х гг. Китай приступил к налаживанию и расширению военно-политического сотрудничества с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. С 1995 г. начался обмен военными делегациями между Китаем и Казахстаном. В 2000 г. Китай вы-

делил средства на оказание помощи обмундированием и снаряжением казахстанской армии. После баткенских событий материальная помощь была выделена киргизской армии [4. Р. 184–194]. В 1999 г., во время визита президента Узбекистана И.А. Каримова в Китай, стороны договорились о развитии военного и военно-технического сотрудничества и присоединении Узбекистана к «шанхайскому процессу». Летом 2000 г. Китай и Узбекистан заключили соглашение о военно-техническом сотрудничестве, предусматривающее, в частности, поставки китайского оружия и боеприпасов Узбекистану [14].

Во второй половине 1990-х гг. фактором, влияющим на политику КНР в Центральной Азии, стала возрастающая потребность Китая в импорте нефти. В 1997–2000 гг. объем китайского импорта нефти увеличился с 35 до 70 млн т в год, а ее доля во внутреннем потреблении возросла до трети [2. Р. 144]. В 1997 г. Китай и Казахстан подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой сфере. Китайская национальная нефтяная компания (КННК) купила у правительства Казахстана контрольные пакеты акций компаний «Актобемунгаз» и «Узеньмунгаз» с правами на разработку месторождений Жанажол и Кенкияк в Актюбинской области и Узеньского месторождения в Мангистауской области Казахстана. КННК и министерство энергетики и природных ресурсов Казахстана зафиксировали намерение проложить в будущем нефтепроводы из Западного Казахстана в Западный Китай и от Узеньского месторождения через Туркменистан и Иран к Персидскому заливу. Предусматривалось, что объем инвестиций КННК в нефтяные проекты в Казахстане составит 9,5 млрд долл. [15]. Экспорт нефти из Казахстана в Китай по железной дороге начался уже в 1997 г.

В конце 1990-х гг. в поле интересов Китая попали нефтегазовые ресурсы Туркменистана. В 1998 г. Пекин выделил Ашхабаду кредит на приобретение китайского оборудования для ремонта нефтяных скважин. Китайская нефтяная инженерно-строительная корпорация заключила с Туркменистаном соглашение о восстановлении простаивающих скважин [4. Р. 435–437]. Летом 2000 г. Китай и Туркменистан заключили соглашение о разработке технико-экономического обоснования газопровода Туркменистан–Китай. Осуществление этого проекта должно было быть увязано со сроками строительства газопровода, связывающего Синьцзян с восточными провинциями Китая [16].

Во второй половине 1990-х гг. товарооборот между Китаем и Казахстаном продолжал быстро возрастать, увеличившись за 1997–2000 гг. почти в три раза. Торговля КНР с другими центральноазиатскими государствами характеризовалась небольшими объемами и неровной динамикой. В 2000 г. в общем объеме товарооборота КНР со странами Центральной Азии, со-

ставлявшем 1,8 млрд долл., на Казахстан приходилось около 86%, тогда как на Киргизию и Узбекистан соответственно 10 и 3% [17]. Три четверти торговли Китая со странами Центральной Азии обеспечивал Синьцзян.

Важнейшим направлением центральноазиатской политики КНР оставалось расширение транспортного сообщения с государствами региона, являвшееся продолжением масштабных проектов развития автомобильной и железнодорожной инфраструктуры Синьцзяна. В 1997 г. Китай, Киргизия и Узбекистан подписали меморандум о строительстве железной дороги Андижан–Ош–Кашгар, выходящей к Южно-Синьцзянской железной дороге. В 2000 г. началось строительство автомагистрали Ош–Кашгар [18. Р. 206–208]. В 1999 г. соглашение об автомобильном сообщении было подписано с Таджикистаном. Китай обязался содействовать таджикской стороне в строительстве автодороги Куляб–перевал Кульма, которая открывала бы Таджикистану выход к Каракорумскому шоссе [4. Р. 402–403].

Таким образом, к концу первого десятилетия независимости центральноазиатских стран присутствие Китая в регионе приобрело общерегиональный масштаб и охватило сферы безопасности, добычи и экспорта энергоресурсов, транспорта и торгово-экономического взаимодействия. Усилилось влияние Китая в Центральной Азии, прочно поддерживаемое его экономическими достижениями, военной силой и международным авторитетом.

Обозначившимся преобразованием «Шанхайской пятерки» в международную организацию были созданы основа для системного участия Китая в поддержании региональной безопасности и стабильности и механизм координации политики Москвы и Пекина в Центральной Азии. На новый уровень вышло политическое и военно-политическое взаимодействие Китая с Казахстаном и Узбекистаном. Принятие Госсоветом КНР в начале 2000 г. плана «Большого освоения Запада», предполагавшего масштабные инвестиции в ускоренное развитие западных районов страны [19. С. 101–102], обещало беспрецедентные возможности расширения торговли Китая с центральноазиатскими государствами и умножения китайских инвестиций в регионе.

Однако укрепление позиций КНР в регионе сталкивалось и с рядом проблем. Центральная Азия по-прежнему воспринималась руководством Китая как второстепенное направление внешней политики. Наполнение структур новорожденной Шанхайской организации сотрудничества реальным содержанием, реализация начинаний в сферах транспорта и энергетики требовали времени и немалых ресурсов. Тем не менее общим итогом политики КНР в регионе в 1990-е гг. стало формирование условий и механизмов совместного российско-китайского лидерства в Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zhang Yunling, Tang Shiping. China's Regional Strategy // Power Shift: China and Asia's New Dynamics. Berkeley, CA : University of California Press, 2005. P. 48–68.
2. Huasheng Zhao. Central Asia in China's Diplomacy // Rumer E., Trenin D., Huasheng Zhao. Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing. Armonk, NY : M.E. Sharpe, 2007. P. 137–212.

3. Guangcheng Xing. China and Central Asia: Towards a New Relationship // *Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum*. New York : St. Martin's Press, 1998. P. 32–49.
4. Kellner Th. *L'Occident de la Chine. Pekin et la nouvelle Asie centrale (1991–2001)*. Paris : PUF, 2008.
5. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. Шанхай, 26 апреля 1996 г. // *Внешняя политика и безопасность современной России*. 1991–2002. М. : МГИМО(У) МИД России, РАМИ, ИНО-Центр, 2002. Т. 4: Документы. С. 476–484.
6. Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г. Политика Китая в Центральной Азии // *Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России*. М. : МГИМО(У) МИД России, ИНО-Центр, Логос, 2003. С. 301–332.
7. Ong R. China's Security Interests in Central Asia // *Central Asian Survey*. 2005. № 4. P. 425–439.
8. Коммерсант. 1994. 30 апр.
9. Qingjian Liu. Sino-Central Asian Trade and Economic Relations: Progress, Problems and Prospects // *Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum*. New York : St. Martin's Press, 1998. P. 179–200.
10. Swanstrom N., Norling N., Zhang Li. China // *The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia*. Washington, DC : Central Asia – Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2007. P. 383–422.
11. Shambaugh D. Return to the Middle Kingdom? China an Asia in the Early Twenty-First Century // *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Berkeley, CA : University of California Press, 2005. P. 23–47.
12. Совместное заявление участников Алматинской встречи – Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. Алматы, 3 июля 1998 г. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=17061
13. Душанбинская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. 5 июля 2000 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17530>
14. Коммерсант. 2000. 31 авг.
15. Панорама (Алматы). 1997. 26 сент.
16. Joint Statement between the People's Republic of China and Turkmenistan, July 6, 2000 // *Russia and Eurasia Documents Annual*. 2000. Gulf Breeze, FL : Academic International Press, 2001. Vol. 2. P. 262–263.
17. International Monetary Fund. *Direction of Trade Statistics Yearbook*. Washington, DC : IMF, 2002.
18. Garver J. China's Influence in Central and South Asia: Is It Increasing? // *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Berkeley, CA : University of California Press, 2005. P. 205–228.
19. Савкович Е.В. Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1992–2012 гг.) Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.

Guo Lijun, Sun Yat-sen University (Zhuhai city, Guangdong Province, China). E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

Evgeny F. Troitskiy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Томск, E-mail: eft@rambler.ru

Ju Chuanya, Sun Yat-sen University (Zhuhai city, Guangdong Province, China). E-mail: 450076784@qq.com

DEVELOPMENT OF CHINA'S CENTRAL ASIAN POLICY (1992–2000)

Keywords: China's foreign policy, Central Asia, the “Shanghai Five”, border settlement, Chinese-Kazakh relations, Chinese-Russian relations.

The paper aims at discerning major trends and periods of the development of China's policy in Central Asia within the context of the general tendencies of Chinese foreign policy's evolution. Relying on official documents, statistics, and research literature, the authors analyze the whole complex of PRC's relations with Central Asian states, which allows tracing substantial changes in Beijing's approach to the policy in the region often concealed behind the statements on foreign policy continuity.

In the first half of the 1990s the fundamental goal of Chinese diplomacy consisted in providing the “stable and peaceful” external environment allowing for the concentration of efforts on the continuation of economic reforms. Central Asia was important for Beijing primarily in the context of securing the country's Western borders. The Chinese leadership saw the region as the “strategic rear”. The developments in Central Asia were to be kept within the limits that would allow Beijing to concentrate the necessary resources on the foreign policy priorities, the South-East and the North-East Asia. The development of economic links with the Central Asian countries and the potential role of Kazakhstan as oil exporter were of secondary importance. The Chinese leadership saw the Russian military and political leadership in Central Asia as a necessary condition of maintaining regional stability. China acknowledged that the preservation of Russian leadership in Central Asia was an alternative preferable to the growth of US and Turkish influence or the spreading of radical Islam in the region.

In the second half of the 1990s the objectives and instruments of China's policy in Central Asia came under substantial, although gradual, revision. The tenets of China's foreign policy were expanded to include the thesis about China as a “responsible great power” ready to carry its share of the burden to provide international security.

China began to expand its participation in maintaining stability in Central Asia that became the focus of its policy in the region. Facing Russia's diminishing capacity to live up to its military, political and economic commitments in Central Asia, Beijing started to substitute the policy of creating fertile ground for a joint Chinese – Russian leadership in Central Asia for the policy of recognizing Russian regional leadership.

The authors conclude that by the end of the decade China's presence in Central Asia became region-wide and comprehensive, encompassing the areas of security, oil and gas production and transportation, transport communications and trade. China's influence in the region expanded. Under the “Shanghai Five” mechanism, both a framework of China's involvement in maintaining regional stability and an instrument of coordinating Russian and Chinese policies in Central Asia were established.

REFERENCES

1. Zhang Yunling & Tang Shiping. (2005) China's Regional Strategy. In: Shambaugh, D. et al. (eds) *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Berkeley, CA: University of California Press. pp. 48–68.
2. Huasheng Zhao. (2007) Central Asia in China's Diplomacy. In: Rumer, E., Trenin, D. & Huasheng Zhao. *Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing*. Armonk, N.Y: M.E. Sharpe. pp. 137–212.
3. Guangcheng Xing. (1998) China and Central Asia: Towards a New Relationship. In: Azizian, R. & Zhang, Y. (eds) *Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum*. New York: St. Martin's Press. pp. 32–49.
4. Kellner, Th. (2008) *L'Occident de la Chine. Pekin et la nouvelle Asie centrale (1991–2001)*. Paris: PUF.
5. Russia. (2002) *Soglasenie mezhdru Rossiyskoy Federatsiey, Respublikoy Kazakhstan, Kirgizskoy Respublikoy, Respublikoy Tadjikistan i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy ob ukreplenii doveriya v voennoy oblasti v rayone granitsy*. Shangkay, 26 aprelya 1996 g. [Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and the People's Republic of China on Confidence Building

- in the Military Field in the Border Area. Shanghai, April 26, 1996]. In: Torkunov, A.V. (ed.) *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii* [Foreign Policy and Security of Contemporary Russia]. Vol. 4. Moscow: MGIMO(U) MID Rossii, RAMI, INO-Tsentr. pp. 476–484.
6. Voskresenskiy, A.D. & Luzyanin, S.G. (2003) *Politika Kitaya v Tsentral'noy Azii* [China's Policy in Central Asia]. In: Narinskiy, M.M. & Malgin, A.V. *Yuzhnyy flang SNG. Tsentral'naya Aziya – Kaspiy – Kavkaz: vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii* [CIS Southern Flank. Central Asia – Caspian – the Caucasus: opportunities and challenges for Russia]. Moscow: MGIMO, INO-Center, Logos. pp. 301–332.
 7. Ong, R. (2005) China's Security Interests in Central Asia. *Central Asian Survey*. 4. pp. 425–439.
 8. *Kommersant*. (1994) 30th April.
 9. Qingjian Liu. (1998) Sino-Central Asian Trade and Economic Relations: Progress, Problems and Prospects. In: Azizian, R. & Zhang, Y. (eds) *Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum*. New York: St. Martin's Press. pp. 179–200.
 10. Swannstrom, N., Norling, N. & Zhang, Li. (2007) China. In: Starr, S.F. (ed.) *The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia*. Wash., D.C.: Central Asia – Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. pp. 383–422.
 11. Shambaugh, D. (2005) Return to the Middle Kingdom? China an Asia in the Early Twenty-First Century. In: Shambaugh, D. (ed.) *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Berkeley, CA: University of California Press. pp. 23–47.
 12. Conventions. Ru. (1998) *Sovmestnoe zayavlenie uchastnikov Almatinskoy vstrechi – Respubliki Kazakhstan, Kitayskoy Narodnoy Respubliki, Kyrgyzskoy Respubliki, Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tadzhikistan*. Almaty, 3 iyulya 1998 g. [Joint Statement of Participants of the Almaty Meeting – the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Almaty, July 3, 1998]. [Online] Available from: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=17061
 13. Kyrgyzstan. (2000) *Dushanbinskaya deklaratsiya glav gosudarstv Respubliki Kazakhstan, Kitayskoy Narodnoy Respubliki, Kyrgyzskoy Respubliki, Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tadzhikistan*. 5 iyulya 2000 g. [The Dushanbe Declaration of Heads of State of the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. July 5, 2000]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17530>
 14. *Kommersant*. (2000) 31st August.
 15. *Panorama (Almaty)*. (1997) 26th September.
 16. China & Turkmenistan. (2001) Joint Statement between the People's Republic of China and Turkmenistan, July 6, 2000. *Russia and Eurasia Documents Annual*. 2. Gulf Breeze, Fla.: Academic International Press. pp. 262–263.
 17. International Monetary Fund. (2002) *Direction of Trade Statistics Yearbook*. Wash., D.C.: IMF.
 18. Garver, J. (2005) China's Influence in Central and South Asia: Is It Increasing? In: Shambaugh, D. (ed.) *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Berkeley, CA: University of California Press. pp. 205–228.
 19. Savkovich, E.V. (2012) *China's Economic Policy in the Post-Soviet Central Asia (1992–2012)*. Tomsk: Tomsk State University.